
Автор представлен членом Художественного совета **Петрой Калугиной**

Когда идёт последний снег и кругом голова,
и выдыхает человек горячие слова.

Из дыма, пепла и огня сплетая речь свою,
он говорит – Прости меня, я так тебя люблю!

Он долго смотрит из окна и говорит опять –
Что сто́ит ей?! Ведь и она могла бы так сказать?!

Он опускает вдруг глаза и поднимает вдруг.
И у него блестит слеза и замирает дух.

Он что-то знает о судьбе, латая в ней дыру.
Я буду помнить о тебе, пока я не умру!

Пока ещё не кончен век, не всё предрешено!
Но это слышит только снег, и снегу – всё равно.

Как измеряет мальчик лужу
и не торопится домой,
и мать, зовущая на ужин,
всплеснёт руками – боже ж мой!
Ещё отец, когда проспится,
задаст по первое число.

Всё это было и прошло,
и никогда не повторится.

Нигде, ты слышишь, никогда!
Ни плача детского, ни смеха!
Лишь продолжительное эхо
и ощущение стыда,
что мальчик вырос и уехал.
Зачем?! А главное – куда?!

Без раствора и глины, пера и бумаги,
но сработал на совесть творец-самоучка.
По колено сугробы, берёзы в овраге
и по снегу несутся смешные собаки:
за Пиратом – Черныш, а за Бельчиком – Жучка.

Или скажем – весна, оживление в парке.
Ты один у окна, как заложник простуды,
наблюдаешь за тем, как попрятались в арке
от дождя проливного и звери, и люди.

И курчавые мальчишки, словно амуры,
только меткие стрелы у них на присосках.
И чем ближе конец, тем длинней перекуры,
неразборчивей речь и сильней отголоски.

Всё до сих пор как в тумане —
кресло, торшер у стола.
Здесь, вот на этом диване,
баушка и умерла.

Больше ни звука, ни знака.
Гроб, слишком узкая дверь.
Ты б, унучочек, поплакал,
легче бы стало, поверь.

Ты б не кулючил в прихожей,
это не наша вина.
Господи боже, какой же
маленькой стала она.

Так и уснула под утро,
руки скрестив на груди.
И улыбалась, как будто
всё у неё впереди.

На дереве кормушка из фанеры.
Скамейка – ей к лицу пенсионеры.
И номера домов, как имена.
Как написал бы сказочник, к примеру, –
жила-была песочница одна.

Песочница, а в ней возились дети.
Моя халупа с окнами во двор.
Всю ночь подвальной дверью хлопал ветер
и я подслушал этот разговор

без умысла, скорее, по привычке.
А может быть, я просто делал вид,
что это мне ночная электричка
о чём-то важном издали кричит;

что знаю, для чего растёт на крыше
сарая одинокая трава.
Но главного я так и не расслышал,
не разобрал последние слова.

И хитрый воробей, и ласточка чумная,
и липа за окном, и солнце-размазня,
и небо, и земля – они хоть и седьмая
вода на киселе, но всё ж таки родня.

А мы с тобой живём и делаем закладки,
перебирая всё в уме наискосок:
и запах кислых щей на лестничной площадке,
и жвачкой до сих пор залепленный глазок.

А яркий свет в конце?! А сдавленные звуки?!
Мотай скорей на ус, заучивай урок.
Всё как задумал бог – он, поплевав на руки,
не спал шесть долгих дней, он сделал всё, что мог.

Чего ж ты хочешь знать? Откуда эта сила,
что прибывает пыль и нас срывает с мест?!
Не думай ни о чём, пусть будет всё, как было.
Пиши свои стихи, пусть будет всё, как есть.